

Исполин

Я есть назначенный с людей исполин: в доме, что содержал меня, одно выдавалась тянущаяся вонючая чернота: оглядываясь к теням, я испытывал только тяжёлый укол сердец своих, и в стенах этих продолжал же быть; уже с самых ранних лет я понял, что посиневшие пальчики старушек есть преддверье умирания: как попадали к нам, они очень скоро гибли, и тела их я находил в той смрадной колючей проволоке человеческих наступаний: все бились тяжёлыми босыми вонючими ногами об меня, и к тому я совершенно привык: я не видел ото недолжного или противного; когда меня тянули злобные, объявленные перламутровыми болями раздвигающихся сочных розоватых, придвигающихся крошечными зубастыми, отмирающими смертными вопьяниями неценностного в остове содвижений пылевых гнойных набуханий срожденного и сыворенного гатью мги пространствий данностных и неотъевенных сочтением власяных пределений сияющего блика света тьмы кожи подо вырожденным единственно скрипывающимся натяжением свистов преливающихся к лицам отстоящим светов того соследования пористых кижений икового ногтя убраивающего громождения шапочных волнений важного и некрытого горью прочного справления данного и обывенного тельцом агнецоего чаш соприенных бездн нависания дорья станового оложения из мордами язв лица, никто не был против, и только; я есть назначенный исполин: моё дело состоит в положении законов: я должен определять подчинение, при выявлении противоречия или данного коренным рождением меня самого, да только земным оно и граничено, и к тому же никакой никогда претензии от меня не выявлялось. Сейчас нахожусь я возле столба дома собственного, и положила мне мысль: одно подумалось, одно воспалилось в болезни и неследствии существа скучающего: я представил, что способностью собственной могу после веков усилий онаправленных не просто содержать медленное диффузионное прехождение этого, но воздать страшную катастрофу: мои ожности позволяют сменить человеческое плотью, поколебать иерархию ту, и в том же Господь... Когда подумалось мне так, явился Архангел. Возле столба собственного я не увидел тела своего мёртвого или смерти: я был убит, но в то же мгновение возрождён: вернее, я испустился, да обозначаемое жизнью моею не могло быть прервано, и оттого прешёл я первый цикл умирания. Архангел нанёс первую хону своим тупым мерилем. С ударом этим мои хлипкие гигантские мяса могли легко разорваться, да на измокшем теперь гадкою влагою теле родились тяжёлые глубокие язвы: сознание помутнилось невыносимостью боли, да начинающее склоняться к согбению тело сверкнувшим силою мгновением отстало от взбухшего грозою золотистого тумана радужноватой гранки; я шоркнул рокотом невероятным по земле же, и с тем чуть не

оторвалась гнойная нога моя, да стены положений этих ударились колоссом воздушных волн, и были рассечены деревья с кустами от движения: так встал я в километре от Архангела, и столь же быстро он оказался подле меня: успеть я пытался в воспарении свернуть пространство точечною подчинённостью, да тому необходим жест: самые простые действия мои требуют часто дополнительного ритуала, когда сложные воплощаются одно помыслом, и нежеланием разрушения я соединил десятою частью мгновения большие пальцы свои, что размерами были с человеческую голову бронзовую, и: вонзил в меня вновь Архангел мерило, и ничего я не видел и не был, пока не вытащил он его: как вышло с меня то, я лишился прежних язв и стал только кровным блестящим убийством того: я лишился твёрдости, но имел форму; и снова протянул уже сменившуюся гроздию сил руки свои, и десницею я пытался свершить ритуал, да обрубил голову мою Архангел, и тогда: тогда разлилось реками создание моё из свечения бурдового, и тогда объял я города своею плотью, и гораздо сложнее стало шевеление, и потому: потому я сменил подчинение. Подчинение это будто ранее было от меня сокрыто: теперь, обретя облик реки кровавой, я стал совершенно иным, и обернулся мир земной стороною иною, и свистнули блики архангеловы и людские: с тем погибла половина человечества, а оставшаяся же объявилась ужасными страданиями: никто не мог из боли открыть глаза или подумать о свершённом, но я понимал: материя допустила ошибочность, на секунду я внеявил положение, что было обозначено Господом, и уже нельзя было в этом знать или думать: тела всех людей обрели бесконечность отвердевшими длиннотами сросшихся языков, и ноги их взросли тяжестью планет, и масса сдавливала время то, и цвета иных же алмандиновою гроздью свивались на рыхлых дрожащих жарах рождения: флюс болезнью этой содрогнул пространство, и хорошо было, что пока оно есть одно пространством; я переместился тем, что в материи называют вселенной, и с осязанием не замечал Архангела, да он всеобъемлющею земностью и лицами своих гигантов вонзил в облачённой ликами его пустоте тонких крошечный жезл, и с гулом тот проник в меня. Теперь не был я рекою или язвою, но стал в прежние человеческие размеры; были возрождены все люди, да бывшие мёртвыми не могли видеть, а бывшие искажёнными утратили рассудок: теперь все были одинаково мелки, и все без владения плоскости стали созыбающимися болью песчинками, на пустыню которых давило положением власти солнце, и солнце же это исказило время: находящиеся на верхних слоях песка человеческого сказывались замиранием сочтённых слияний во времени, и начинала подходить та глянцеvitость упорного единства ко мне, да приполз сворачиванием ног Архангел, и обнял он меня, и с ребра его вылезло ещё меньшее мерило, и начало будто сменяться нечто, да почувствовал я ноне необходимость собственного: меня тянуло подчинить прежнее отстоящему, и вновь околебалась порядочность всего. Помрачение. Снова ударил меня Архангел, и разделились мы зеркалом: с одной стороны трое меня же смотрели на трою

Архангела, и сдвигались мы будто в одном виде, да несто совершенно отличалось, и тогда существовало время: существовало пространство, и тогда провели мы в отражении этом гексы веков, покамест не соединились Посохом: Личью: Властью: Кровью: Иконой: и Чешуями. Все из живущих некогда были возрождены. Все времена были восставлены. Все пространства вернулись. И было же одно страшное движение. Движение это было не то землетрясением, не то градом: скрипящими свечением криков кольями обрелись все места земного, и выбивались и вбивались они теперь в себя: с первого удара погибли вновь все люди страшной агонией: вторым ударом стянуто было пространство неведомою теперь тяжестью: третий удар окончил время. Четвёртый удар сделал я. Теперь наступило спокойствие. Архангел не ударил меня, но бурдовою нагостью и сомнутыми веками на распятии смотрел на меня: то было наказанием за его деяния. Архангел был отправлен в бездну самую законностию, и. Теперь я обрёл привычный облик исполина. Я смотрел, слушал и осязал: теми чувствами не ограничились существа мои, ибо: не знаю я, был ли он одною моею оговью, или же; перламутровые костные сотинения радужных ударений тех свербящих импульсов проявлялись чрез паутину вращений дощёных рубцеватых преливаний гузнов осмешенных стяжённым полосоватым грозом мги собиенной неотнотнённости приличествующего спокойствием выявленного приленным гладием светлых отсилений непрекращающегося громыханья свечения всеподъявляющегося и кистяного металлом суставной дрожи пял навывявленного сменением щепления отстыжённых гоздовьевых влас чернотных поглубин внешнего сопиянием очестоящегося ото слабостей свёрнутых лаверьевых коблыханий отлириченного сочащия участия срезовых остей приставления различных пространств ривием понятия свиженных плос овеческих излуковинных соезжений венозных струй воздушных ладьевых отпадённостей согбенных позвоночников людоего ухищрения малочастного принятия теплот хладных горячей распыляющихся в том шлейфами отяжелёнными звёзд подле оттоящего владения субыденного свения решётчатых блесков уготенённого опухшего клеточного ияния несвершенств материального и соуявления ногтечного крадения ия направлений нестей овивающихся бежевых линий опаставших согликов забиения оборачивания крадения возбуждающегося неприставлением временного тождества под формою же привлеченного стрелочными соскрами крючковатых гнойных надоблений граниченного и сродушьевого бурдоватою ладью свичённого сквози прочного вления чувства осязаемого обеденных непринадлежностей опоминания ошнего нутряным коблением сочитания и потенциевого ото блеска несодинения ужасновым подле побивающихся ожей уставшего сомном бессилия единственного и неотопренного в подошущениях простоящего осыдения властей сознания рассудочного то ества избавления и енности тоей нормальным вопий няшевых стяжений реальности общества песни же отеофаний горячи той и: подтоженные ступени ярких красных

искр мафусаилового соединения рвот небесных подоений шепотливых и горячих своими
ноегорьями покрашенный олией блажевых осхитренных оленных рокотливых писков
воплощения гиганта одо крепления оникающих везде радугою зраков неотверженных
содинений кирпиченных членений дня укроенных номинацией редуцированных горячечных
посмотрений вращений копытцевых игольчатых мыстоевых сотеканий неготовностей
подроевных и необразованных сростков провающегося салатоватыми и гридеперливыми
оявлениями металлов решётчатых отдалений кремниевых теней поверхностей направленных
коричневатых шарканий стонов единого гармониевыми сторостениями отолобов
положенностей бивающихся линзами сиреневатых оплавлением экстенсии малого большему
ото ростов грыж чернотных опалубенных вырождений настоянного искрою серебристых
вловий содирающегося кровточащею вовни несмевления весов и времён колыханием
сравнения точенного сероватого окружия грубых лепестков лиевых громождений слений
евлего подо достию человеческих десниц срубленных и угловатостию негационных сонений
недих данностных шевелений кратких линий объявляющегося розоватого рыхлостью
надорогонудоенногоговоло ото рефлексивных же соглубений общечастного и частнообщего
приятствием оренного согния острых рений плотностей витийственных слощений
велеречииевых ступеней повления втачивания чрез сетности же истинного и неверёвочных
огравений сдоенных земною спесностью в нечаянии узористых непрерывных ограничений
станостей буящих подмышечных резей свёрнутою слежкой отрывистых дыр
подпоглощающих принадлежностей оящих давленствий теофанического отсутствия
парадигменного вуколения морщинистых согибов человеческих позвоночных отебесвений
неявления ошибочного оружия сминаешехося течения одномоментного желания-де
формульного в сеятельствующих лияниях шулки и денствий одно расчиивающихся гноем
хлюпающих углов хрящей людских стенаний лопастей фарою света кровений страдания
светов одежд в тухлой, измозженной знаком образов и оранжеватых соискрений
положенностей данностных ожиданий чернотных утроб и самого облика глаз опрозраченных
нитей самоемнений шарфяных кований объёмностей поставленных езжений управляемой
гроздью же клеточных преливающихся градиентовых неспособностей и обязанности крытьего
ромбовидного упрощения горьственных соблазновых срождений бугористого выставления
плотию прочного городения сосудистых борб неохватонного наследностью порываний
нежелательного и подприглядного стоном прослоенного одарения сухих выставлений
длиннотных окривлений рук положенных и стёртых ото более ржавых должностей вытий
височных осмений копалевого пепла тела подвняющегося ества жысней тех
сосредоточенных венчаных узлов пребывающегося перифериею кромненного появления
признанного и умолченного отннешней нежеланностию азованностей янений следующих

непониманий отравленных правлением иерархии бывшего же сокопения надлежностей
каплевых военных приставлением одно поддающихся гулов ускоренного бирюзового блика
едкого выедения долженствования тамошнего доложения ямочными кнопками надырявленных
сонений пуантелевых довленствий еснотного углубления форвардовых светений усложненных
костенений медного громыхания плетей колоссальных нарывов пространственных же
семений сонных биваний овреженного скоростию новенного ото роговостей срастившихся
скоров обладаеивых страхов отхождения ошнего совидения черноевых пятновых
сокровений отстающего света гомонов стояния неспособности придвижения вечностного
содеяния руковых даров пождений сотоканного и ненонешнегося янностными даровостями
неузнания и неналичия того ого надорвенного и нефротинных чашиевых сотечений
альбиносового коробочного опленения волей свобод явления из золотистых горыстей
отравленного зудом глада и нетоего плачем танцев неловкого смотрения и вотного гара
наличия плана печали площади верховий обязательных и согбений онных деловий
отпышенных подожданий мучений неопределённостей тамошних отчувствий гула голода
нестерпимых оболений бязательства чаяния существ тех ото неприседания сломленных
сохрустывающих оплощений виталиевых громоздений явства обнаружений отпущенных
ждений сероватых отёсовых трудов креп освойных средоточий оменяющегося грузна
оречивых должностей прыщеватых тихих нений восполняемости адаптаций трудовенных
согедений овлаевого сощепления мягкости ятого же и исполненного звоном масочного
средоточия одле вотых сенений растущего и пылающегося временем пределиев
тостуевого рябого восточного звона шепотливых пёстрых остивений ленного благостия
цветочной зелени сосудящей и проления ого граничия-де возени прерождённостных
кантиевых полостенных сдувенных приявлений ониксовых писемных пределий рябых
отчуждённостей человеческих рыхлых уединностей свербящих свистов звонких светов
стравливающего общепаемным линзоевым подрастением трубочности стали плоти же древ
сбирающих щупалец пальцев буркаловых ноготей огрубевших безвижий в евоении блестящей
уколом пространств влажьевых волн посмирения куммулирующегося точечинного
отравления непаразитирующим далением плави вербящейся гоневой остроенности
погрязневшей власяной копоты сил и качеств земного инного фольги их скопаний несчаемых
вывертов сужденного вирения тянения го оспаления цветов красньевых седин положения
предметий того свистного настанья ссуженных губ сворачивания слеженных подставочностей
громыхающего о преостей дуращегося кропения внутривложения обонного чувства
окраенностей свечения дерзновения резкотного соявления зигзагообразного ото сожиманий
принятностей чернения лика поспинного колебания ударения оширенного прилежания
очностей веростного наверения могущества же обоечеловых линз радужьего обличья ториего

примирения сосупаний хлопков рвущихся человеческих мяс псориазовых шероховатых блиньев бирюзовых оболостей волий сожетного окручения ссызания собственного в изористых растях шелеховых долженностей пространств комнатных оттенков положенного грузью времени орбитных, соявляющихся бесстрастным-де крувлением объятного кражею и станостью надбытийственного согавления прежности памятного отгорения чуть песного естества исконно лишённого прочней выроченности сметниевых наслоений добления зоденения сщунченного иововоданным приложением чуждости означенного денотатного говорения лисочневых античных белых севорённостей аничных формий того шишковидного же бубона трупных лилиевых надеждий поний огронченного деления всеосмельной дрожи срешения обманутого голубоенного снесения крошения сугробового каменистого содавления постоянного поместного яления получения того с повением решённого проводяными встречами упадённого листа сосенного смешения прочего и связания наклеевого отупления опиумного водения плоти тоей сникновенности в остоенных темнотах приявлений вентильных образов ото рыхления кубичеоенных ешений даров боли человеческой ости страха отброшенности ламутровых врожений инного же отсечения тучного плесения грибницею орения послушества гофолиевого елиавого свесения пыртовых мастаб очленённостей реляционных вражб напоязанного вмещением новоотверженного платом валтасарового мемфивосфеевого келаревого ископытного жарникового искуса гирловых мендеритского осаннового иохазового колтунного сопечалия взора подроженного и отоследственного колодиевого распыженного толькратного свечения квокатных свласий облазнения встреченного же явления словенеого вечеиего прекрасного арыком брандёрствующих миткалевых созарений лубочных куржаковых длинений журфиксовых стонестий книжновенных обозрений пади проешлого теплотой света привычноденных излишеств сказательства же и одновых порфиородных зимранов друзилловых вошаг вразей тоешного бризантного голосения фронтсисписных химеричных свёкловиценных предволедьевого мотоболистного фарисействования эксцентрических подражательств труднодоступных кристаллизированных иноеший законоположного галлюцинирования бессодержательных гальваностереотипических засвидетельствованных лесновязалочного ото отовительных воедиомышленных субстантивированных противокоррозионных трёхсотпятидесятитысячных тоей инвазионности, и...

Я лежу: остывшийся едко пробегающими по мне уже иногда безвольным замечанием иного вмешательства в неприставленность прочного вкупе с часто стоящими подмне ползновениями сосегментированных нечувствий стянутых достаточным пребыванию первых полюсов одного вовне явления собиения навнешнего сторонним дивлением страданием болей их мокрицами тараканами холодный бетонный пол слипается с ороговевшими тянущими

глубокими вонючими язвами из немытости руками моими, и изрезавшие ужасом теперь всегда раскрытые округлением черноты воспалённых буркал веки глаза мои смотрят: они глядят, да целью за тем ничего не имеют: одно смылившиеся виды этой гадости способны облегчить нестерпимую боль хоть совнимательствующего; иногда кажется, что импульсы, которыми мучимы мои телеса, есть мои умирания, да подобное не случается: я продолжаю страдать: я продолжаю лежать на горячем остротой срывания моих возбуждённых лихорадочных тел бетоне; не знаю постенение того, но стараюсь разогнуть пальцы правой руки, той, что растворённым уже и неспособностью видеть образом ставится прямо подле, и обирающей все возможности плотий моих силой я прикладываюсь к делу этому, да ничего не получается: отставив любую халатность, вторым питанием я окончательно понял, что больше не могу ни двигаться, ни контролировать эти импульсы: моменты, когда в положении наиболее мучительном, ещё различаемом вовсе, в ссушенном шепотливым шорохом горле накапливается особенное вязкое солоноватое, проходящее по всему телу резью песочистого сосмеления чувство, когда оно небрежно протыкает тебя тупым крюком и подбрасывает кверху: делает то, к чему своими способностями ты не смог бы и приблизиться; внови упавши на рвущую мои одырявленные болезнью щёки муссоновую полость, я продолжаю держать сухие глазницы свои там же; иногда это место воспаляет во мне галлюцинации: я прекрасно понимаю, что болен не только телом: мучения, которым я был подвергнут, есть мучения грязные, и душа моя не могла сохранить хоть прежние ужасные отсветы свои: эти мучения сперва делают тебя гадостью и уродом, и только после помогают стать лучше в возможном онном; унижения, что орывают окровавленные фурункулами лица твои в потирающем прочие редкие поверхности чистой кожи наждачкой штукатурных, пожелтевших из многолетней грязи и осадков влаги другого помещения стен сартире, только в очень редких случаях сперва чему-то способствуют, ибо гораздо чаще они продолжают: пережив совершенный ужас, введя в свой быт ежедневное вытаскивание со смрадных комнат трупов престарелых и гниющих, ещё постанывающих в рокоте эха этих почерневших влажных стен людей, я смог стремлением к лучшему только лишиться себя иного чувства: этот вопианный скрип швов последнего в наложенном насилывал меня кариозным окоченением отказа: отказ есть именно то, что испытал я совне и испытываю сейчас: спутавшиеся в смоле волосы необходимо вырывать; ногти мои иногда из нестриженности обламывались на половину своего корня: за тем обыкновенно следовало болотноватое горячее набухание, хотя цвета здесь различать крайне тяжело; за тем происходил отёк, и уже в нём решалось надеяться на резание: если тебе не отрежут палец, ты умрёшь; мне отрезали уже четыре пальца: четвёртый убрали неделю назад: воспаление прошло через новую покрупневшую рану, и меня перестали кормить и поить; к счастью, отбросили меня в сарай: он имеет только один этаж, и потому иногда удавалось

растапливать падающий с улицы снег для питья; два дня назад, когда я ещё мог сфокусировать зрение, под моей кожей были жирные чёрные полосы: раньше я видел такое только на трупах; едко щебечущих редкими глухими ударами сотворенного шум ещё чувствуется мною, да часто срывается сходящим с головы писком: когда это происходит, я вижу только нечёткие перламутровые фигуры внешнего; сейчас я дышу: кажется, в минуту делается около семи вдохов: выдохи протягиваются очень долго, однако сопротивление этому отдаётся бьющей ещё более болью: той болью, что пахнет смертью и непродолжением: прерви я выдох, и то хрупкое, то объявленное в своей тонкости, что ещё полагается во мне, сорвётся: оно сорвётся, и я умру; скрежет ужаса стех данностных отсвечивается радужкой серых гудящих пестрот, и я лежу: мне тяжело представить себя, да и ресурсов на то в организме моём уже нет: все структурности тела моего надломлены и болезненны, и белость кожи надо чернотой под глазами разливается в тени сарая бликами одно естественного: связни жизни: принятость самого была мною отвергнута, и я сам ещё не знаю, почему не умер: бурдовые скристия пожирают мои связки, и я стягиваюсь: я стаптываюсь и уменьшаюсь, как уменьшается с тем и душа: тяжесть ожидания плетёт цепи моих же умирающих болей: сперва я ещё возмущался этим ожиданием, да теперь остаётся признать: эта боль есть последнее в жизни моей, и стоит принять хоть подобное её вырождение; тишина рокота звонких игольчатых спесий неположения и незанятия: я лежу: я занят умиранием, и плавные светы этого срывающегося шёпота проливают средни прочих мыслей: сначала я ещё допускал размышление, однако теперь: теперь я только умираю, и тем съяснимо всё моё робкое стояние: бесчувствием прочного пределения мне не удаётся металлическим плавлением собственного сомкнуть земляные сращения: я ожидаю, и ожидание то: в тухлом, пробивающем рвоту запахом вне видов моих гниющих костей сдырявленном деревянном помещении маслянистым слизнем положится кажущийся сперва трупом, местами обретший в своей белёсой, неизвестно откуда ещё явленной потливой язвенной горячности зеленоватые с чёрными плотностные дыры того человек, что дважды в час бьётся чуть сплёвывающей оставшиеся немощные капли кислого тяжёлого желудочного сока конвульсией; проливающийся ко мне с морозных хладов зимний ветер гадко поглаживает огрубевшие скруглившиеся пяла, и нагость моя скрепляется срастаниями ниточных вязей: растяжки от худобы уже смыливаются прелостью оспяной наждачной густой желтизны: и я краснением прозрачия прочного есть; долготы тускло продирающихся бледных линий измученной телости сдавливаются страданием отяжелевших умиранием органов: они более не стонут и не просят: они одно чахнут и погибают, ибо тела эти более никогда не вернутся в жизнь и никогда не смогут обеспечить мне то тепло, которого я никогда и не видел; глядящееся мною почти не имеет оттенка и отсутствует полностью в строгости линий, да что-то начинает виднеться: проявляется оно, кажется, ужасным и

безобразным, однако мне более ничто не есть достаточное ужасным, ибо невозможна теперь реакция подобной яркости во мне; нечто склизкой тонкостью ложится на еле чувствующие то кожи, и единственным новообразным во мне стала чуть пробившаяся чёткость эмпирики: эти влажные мокрости, видимо, есть жирные, расставленные теперь по всему сараю равными интервалами локоны еле вьющихся твёрдых чёрных волос: они сросли над тем, однако даже зрачок мой не шевельнулся, поскольку то было бы преграждением смерти: действие это слишком резкое, и потому могло оказать последний нарыв моих способностей: смерть может явиться величайшим избавлением, и становилось мне обидно от несмертельности прочих импульсов, да сам я обрывать свою жизнь не собираюсь: размышление это и само чудо его возможности прервала куда надоеднее опасная телу реакция организма: упавши на меня, эти мокрые холодные волосы створили ещё одну границу: тело моё держалось на жалких долях градуса, но теперь и такое незначительное охлаждение способно было ввести в дрожь, от которой я крайним везением некогда избавился; ноне руки и ноги мои, используя отсутственную энергию, били своею воспалённую мягкостью грубую твёрдую рвань пола, и движения эти только приближали меня к смерти; в этом приступе я находился с десять минут, и минуты эти не закончили приступ, да ознаменовали недержание: тело моё скорее слабостно вырвало чем-то густым, малообъёмным и вонючим: оно плюхнулось подле меня подобным скорее на горчичный плевок, и резкость смрада этого я ощутил особенно ярко; ничто не смущало меня, и я покорно ожидал смерти: волосы были приняты мною за обычность галлюцинации, и я продолжал умирать; постепенно пол стал холодеть, да взамен с тем смягчаться: через пару минут я понял, что сарай медленно наполнялся мутной, довольно невязкой циркониевой жижей; дрожь усилилась; думается, я есть уже умерший, и остатки сознания во мне явились лишь величайшим везением; теперь я бился в конвульсиях, порой словно слыша звонкий хруст отрывающихся мышц; я ударял окровавленной густой чернотой головой пол, и снова что-то стало проявляться: вбелялась с тем и эта мутная жидкость: предо мною будто возник некий камень, что почти сразу начал поступательным трепетом придвигаться к раскрытию: цвета окончательно утратились, и видел я теперь одно режущий сетчатку свет и беспроглядную темноту, и в видах этих я различил вставшее с воды лицо: тяжёлая, остановившаяся примерно на уровне моего носа вода освободила лицо этого создания: оно было подобно вполне миловидному человеческому, да безвласому и каким-то ненормальным, похожим на восковую маску: что-то мне казалось в этом лице отсторонним, и шёпот чувства его всё же воспалил во мне ужас: чувство, на которое я не надеялся и которое меня даже обрадовало, сколь вовсе можно было в положении сходном обрадоваться; создание это пыталось приподнять лицо к прохудившейся свистом холода крыше, да каждый раз, снова обрызгивая меня в захлебывающиеся тем, иссушившиеся пеной окровавленных частых

чешуек ноздри, оно неловко падало в глухо принимающую его уродливую плоть воду: создание чуть повернулось и немного наклонило стонущий перламутровым стеклянным прозрачием лоб; туловище его было не длиннее сорока сантиметров, повторяя анатомию увеличенного кротовьего тела и держа непропорционально крупную, взбухшую яремною веною голову на толстых, звучно трескающихся связках: в какой-то момент направленное ко мне лицо это хрустнуло и оторвалось от тела: чёрная кровь смывалась в открытый, не могущий иначе существовать нестатком сил рот мой вместе с вырвавшейся из тела вонючей мочой, да тому я особого внимания не уделял: в жидкости наполовину свистящая самостоятельностью голова прибилась к моим глазам, и сарай превратился в белый свет главою свободно премещающихся частностей его.